

Должно быть, прошло несколько часов, прежде чем я пришел в себя, я помню ощущение удивления, когда почувствовал, что жив. Я лежал среди груды шелков и мехов в углу маленькой комнаты, в которой сидело несколько зеленых воинов; надо мной склонилась старая безобразная женщина.

Когда я открыл глаза, она обернулась к одному из них и сказала:

– Он ожил, о джед!

– Хорошо, – ответил человек, к которому она обращалась. – Он доставит редкое развлечение любителям большой игры!

Теперь, когда мой взгляд упал на него, я увидел, что это был не тарк, так как своими украшениями и оружием он отличался от этой орды. Это был безобразный малый, с изрубленным лицом и грудью, со сломанным клыком и недостающим ухом. На его груди висели нанизанные на ремень человеческие черепа и соответствующее число высохших человеческих рук. Его слова о большой игре, о которой я так много слышал среди тарков, убедили меня, что я попал из чистилища в геенну огненную.

После нескольких слов с женщиной, причем она уверяла его, что я вполне способен к путешествию, он приказал мне сесть, верхом и ехать, позади большой колонны.

Я был надежно привязан к самому дикому и необъезженному животному, какое когда-либо видел, и вооруженные всадники с обеих сторон следили, чтобы оно не ускакало; мы понеслись бешеным аллюром вслед за колонной.

Мои раны не причиняли мне особенных мучений, так чудесно и быстро подействовали прижигания и впрыскивания опытной в лечебных средствах старушки, и так ловко она наложила повязки и пластыри на мои раны.

Еще до наступления темноты мы нагнали большой военный отряд, который только что расположился лагерем на ночь. Меня немедленно привели к главному начальнику, который оказался джеддаком орд варгунов.

Подобно джеду, который доставил меня, он был страшно изрублен и также украшен нагрудной перевязью из человеческих черепов и сухих мертвых рук, что было, по-видимому, отличием всех знатных воинов среди варгунов; это указывало на их свирепость, в которой они превзошли даже тарков. Джеддак Бар Комас, который был сравнительно молод, был предметом лютой ненависти и зависти со стороны своего старшего помощника Дака Ковы, того джеда, который взял меня в плен, и я не могу передать, с каким старанием он оскорблял своего начальника.

Он совершенно пренебрег обычной формой приветствия, когда мы очутились перед лицом джеддака, и, грубо толкнув меня к правителю, закричал громким и угрожающим голосом:

– Я привел странное создание, носящее оружие тарков; мне доставит удовольствие заставить его сражаться с дикой лошадейю во время больших игр.

– Он умрет так, как ваш джеддак, Бар Комас, найдет уместным, если умрет вообще, – ответил молодой правитель с достоинством.

– Если умрет вообще? – закричал Дак Кова. – Клянусь мертвыми руками, он будет убит моей лошадейю, Бар Комас. Никакая глупая слабость с вашей стороны не спасет его. О, если бы в Варгуне царствовал настоящий джеддак, вместо слабака, с водянистым сердцем, у которого

даже старый Дак Кова мог бы вырвать оружие голыми руками!

Бар Комас на мгновение взглянул на своего непокорного воина с выражением бесстрашного презрения и ненависти, а затем, не взяв никакого оружия, он бросился к лошади своего оскорбителя.

Я никогда не видел двух зеленых тариан, дерущихся без оружия, и зрелище зверской жестокости, превосходило все, что может нарисовать самое расстроенное воображение. Они царапали друг другу глаза, рвали уши и беспрерывно кусались своими сверкающими клыками, пока одежда у обоих не превратилось в лохмотья.

Бар Комас был лучшим бойцом, так как был крепче, проворнее и умнее. Вскоре противник только защищался, уклоняясь от решительного удара, но вдруг Бар Комас, замахнувшись на него кулаком, поскользнулся. Наступил момент, который только и был нужен Даку Кове. Бросившись на своего противника, он вонзил свой единственный клык в пах Бара Комаса и последним усилием разорвал тело молодого джеджака по всей длине и вонзил, клык в челюсти Бара Комаса.

Победитель и побежденный безжизненно покатались на траву, сплошным клубком изодранного и окровавленного мяса.

Бар Комас погиб, и только невероятные усилия женщин спасли Дака Кову от заслуженной участи. Спустя три дня он пришел без посторонней помощи к телу Бара Комаса, которое по обычаю оставалось нетронутым там, где он пал, и, поставив ногу на шею предыдущего правителя, принял титул джеджака Варгуна.

Руки и голова убитого джеджака были присоединены к украшениям его победителя, а то, что осталось, сожгли с диким смехом женщины.

Раны Дака Ковы задержали поход настолько, что было решено предпринять набег на маленькую таркскую общину, чтобы отомстить за разрушение инкубатора, не дожидаясь больших игр. Мощный отряд воинов, числом в десять тысяч, выступил из лагеря.

Мое пребывание среди этого жестокого народа сделало меня свидетелем кошмарных сцен, при которых я присутствовал почти ежедневно. Это была орда меньше таркской, но гораздо более свирепа. Ни один день не проходил без того, чтобы члены различных общин варгунов не вступали между собой в смертный бой. Я видел до восьми дуэлей со смертельным исходом в течение одного дня.

После почти трехдневного перехода мы достигли столицы Варгуна и меня тотчас же заключили в подземную темницу, крепко приковав к полу и стенам. Пища мне приносилась с правильными промежутками времени, но из-за полной темноты я не знал, сколько я провел там дней, или недель, или месяцев. Это было самое жестокое испытание за всю мою жизнь. Как уцелел мой рассудок от ужасов этой черной тьмы - для меня навсегда осталось непонятным.

Помещение кишело пресмыкающимися, ползучими существами; холодные, скользкие животные передвигались по мне, когда я лежал, и в темноте вспыхивали искорки блестящих глаз, которые устремлялись на меня со злобным вниманием. Ни один звук не доходил до меня из внешнего мира, и ни словом не удостаивал меня мой тюремщик, хотя я сначала бомбардировал его вопросами.

В конце концов, вся ярость, все безумное отвращение к ужасным тварям, бросившим меня в

это страшное место, сконцентрировались в моем пошатнувшемся сознании в ненависти к этому единственному существу, которое воплощало для меня все орды варгунов.

Я заметил, что он всегда приносил с собой тусклый факел, чтобы поставить миску с едой, не касаясь меня, а когда он наклонялся, чтобы поставить ее на пол, его голова приходилась на уровне моей груди. С хитростью сумасшедшего я пятился в дальний угол моей камеры, когда слышал его приближение и натягивал длинную цепь, понемногу ее ослабляя. Я ждал его прихода, припав к земле, как животное, которое просит пищи. Однажды, когда он наклонился, чтобы поставить на землю мою еду, я взмахнул цепью над его головой и обрушил изо всех сил звенья на его череп. Без звука, без дыхания, он упал на пол.

Смеясь и скрежеща зубами, я упал на его распростертое тело, ощупывая пальцами его мертвую глотку. Внезапно мои пальцы коснулись маленькой цепочки, на конце которой висели несколько ключей. Прикосновение моих пальцев к этим ключам неожиданно вернуло моему сознанию ясность. Я больше не топтался на месте, как сумасшедший: я стал снова здоровым, рассудительным человеком. Средство к бегству в моих руках.

Когда я ощупью снимал цепочку с шеи моей жертвы, я увидел в темноте шесть пар блестящих глаз, которые, не мигая, смотрели на меня. Они приближались, в неописуемом ужасе, я отступил перед ними. Пятясь в мой угол, я присел, вытянув руки ладонями вперед, а блестящие глаза все продвигались и продвигались ко мне. Они остановились возле мертвого тела у моих ног. Потом медленно отступили со странным скрипящим звуком и, наконец, исчезли в каком-то черном, отдаленном убежище темницы.

Медленно я успокоился и, наконец, попробовал снять цепочку с мертвого тела моего бывшего тюремщика. Но когда я добрался в темноте до того места, где он лежит, я обнаружил, к моему ужасу, что он исчез. Тогда истина озарила меня: обладатели блестящих глаз утащили свою добычу, чтобы пожрать ее где-то там, в своем логове. Там они ждали целые дни, недели, месяцы, всю ужасную вечность моего заключения, – ждали возможности утащить и мой мертвый остов на свой пир.

Два дня мне не приносили пищи, но появился новый посланец и мое заточение пошло по-прежнему, но теперь я уже никогда не позволял своему разуму затуманиться.

Вскоре после этого эпизода в темницу привели другого пленника и приковали около меня. При тусклом свете факела я увидел, что это красный тарианиц, и едва дождался ухода конвоиров, чтобы заговорить с ним; когда шаги уходящих отзвучали в отдалении, я мягко произнес приветственное слово «каор».

– Кто вы, говорящий в темноте? – ответил он.

– Алекс, друг красных людей Гелиума.

– Я из Гелиума, – сказал он, – но никогда не слышал вашего имени.

Я рассказал ему мою историю, как она здесь описана, пропустив только указание на мою любовь к Дее Торис. Сообщение о принцессе Гелиума очень его взволновало, он был, совершенно убежден, что она и Сола достигли безопасного места оттуда, где они меня оставили. Он сказал, что знает это место хорошо, потому, что проход, которым пробирались уорухунские воины, когда они обнаружили нас, был единственный пригодный для продвижения на юг.

– Дея Торис и Сола скрылись в холмах не дальше как в трех милях от большой реки, а теперь

они, вероятно, в совершенной безопасности, – уверял он меня.

Пленник был Кантос Кан, падуор (лейтенант) гелиумского флота. Он был членом злополучной экспедиции, которая попала в руки тарков во время заключения Деи Торис, он вкратце рассказал происшествия, которые последовали за поражением военных кораблей. Сильно поврежденные и только отчасти обслуживаемые командами, они медленно продвигались к Гелиуму, когда проходили мимо города Зоданга, столицы наследственных врагов Гелиума, красных народов Мусраба, их атаковали множество военных судов, и все парусники, которыми Кантос Кан командовал, были истреблены или взяты в плен. Его корабль преследовали четыре дня зодангские военные суда, но, в конце концов, он ускользнул от них в темную безлунную ночь.

Тридцать дней спустя после пленения Деи Торис или после нашего прихода к таркам, его корабль достиг Гелиума с десятком людей, оставшихся в живых от семисот человек команды. Немедленно семь больших флотилий, каждая из сотни мощных военных судов, поспешили на поиски Деи Торис, и кроме этих кораблей, две тысячи мелких парусников были посланы в длительные, но напрасные поиски исчезнувшей принцессы.

Две общины зеленых были стерты с лица планеты мстительными флотилиями, но никакого следа Деи Торис не нашлось. Они искали ее среди северных племен, и только в последние несколько дней поиски распространились на юг.

Кантос Кан подробно рассказал, как он имел несчастье быть застигнутым варгунами, когда исследовал город. Отважный и смелый, этот человек вызвал во мне восхищение. Он один высадился на окраину города и проник пешком в группу строений, окружающих площадь. Два дня и две ночи он исследовал их кварталы и темницы, ища свою принцессу, и, попал в руки отряда варгунов, когда уже удалялся, убедившись, что Дея Торис не была там заключена.

В продолжение нашего заточения Кантос Кан и я хорошо познакомились, и между нами завязалась горячая дружба. А между тем, мы провели вместе только несколько дней до того, как нас вывели из темницы для больших игр. Однажды ранним утром нас привели в огромный амфитеатр, который был выстроен прямо на поверхности почвы и покрыт рытвинами. Частично он был в развалинах, так что трудно было судить, насколько он велик в действительности. В настоящее время он вмещал двадцать тысяч варгунов из соединенных орд.

Арена была огромная, но крайне неровная и нерасчищенная. Вокруг нее уорухунцы нагромодили камни от разрушенных зданий старого города, чтобы помешать животным и пленникам убежать. На каждом конце они соорудили клетки, чтобы держать их там, пока не придет для каждого очередь на арене.

Кантос Кана и меня посадили вместе в одну клетку. В других были дикие лошади, зеленые воины, женщины из других племен и множество странных и свирепых мусрабских зверей, которых я раньше никогда не видел. Шум их рычания то рос, то замолкал, чудовищного вида многих из них было достаточно, чтобы самое бесстрашное сердце забилося тяжелым предчувствием.

Кантос Кан объяснил мне, что в конце дня один из пленников получит свободу, а другие должны пасть мертвыми на арене. Победители в разнообразных состязаниях целого дня должны будут бороться друг с другом, пока в живых не останутся только двое; победитель в последней схватке, будь то человек или животное, освобождается. На следующее утро клетки наполняются новым запасом жертв, и так все десять дней игрищ.

Немного спустя, после того, как мы попали в клетку, амфитеатр начал наполняться, и в течение одного часа каждое свободное место в пространстве, отведенном для зрителей, было занято. Дак Кова с его джедами и офицерами сел в центре одной из сторон арены, на широкой приподнятой платформе.

По сигналу, данному Даком Ковой, двери двух клеток распахнулись, и двенадцать зеленых были выгнаны на арену. Каждому был дан кинжал, с другого конца, свора из двенадцати диких собак была выпущена против них.

Когда свирепые звери, рычащие и покрытые пеной, ринулись на почти беззащитных женщин, я отвернулся, чтобы не видеть ужасного зрелища. Вой и смех зеленой толпы свидетельствовал о превосходном зрелище, когда я опять повернулся к арене, после того, как Кантос Кан сказал мне, что зрелище уже кончилось, я увидел трех торжествующих собак, которые кусались и дрались над телами остальных. Женщины уже покончили счеты с жизнью.

Сейчас же бешеный зитидар был выпущен против оставшихся собак – и так длилось весь длинный, жаркий, ужасный день.

В продолжение дня я сражался сначала против людей, а затем зверей, но я был вооружен саблей и всегда превосходил своих противников ловкостью и вообще боевой опытностью, так что это составляло для меня детскую игру. Время от времени я удостоивался аплодисментов кровожадной толпы, а к концу слышались крики, что я должен быть взят с арены и сделан членом племени варгунов.

Наконец, остались трое из нас: большой зеленый воин из какой-нибудь дальней северной орды, Кантос Кан и я. Те двое должны были сражаться, и затем мне предстояло драться с победителем, ради свободы, которая принадлежала последнему.

Кантос Кан в течение дня боролся много раз и всегда, подобно мне, торжествовал, но ему попадались не крупные противники, особенно когда он выступал против зеленых воинов. У меня была очень слабая надежда, что он окажется сильнее своего исполинского противника, который побеждал всех, выступавших против него в течение целого дня. Это был малый приблизительно пяти метрового роста, тогда как Кантос Кан был около ста восьмидесяти. Когда они приблизились друг к другу, я сразу увидел уловку тарианца, которая отнимала у Кантос Кана всякую надежду на победу и жизнь в этой азартной игре. Но, приблизившись к великану, он взмахнул вооруженной рукой, отведя ее далеко назад от себя, над своим плечом, и сильнейшим взмахом бросил свое оружие вперед к зеленому воину. Оно полетело прямо, как стрела, и, пронзив грудь бедняги, уложило его мертвым на арену.

Теперь Кантос Кан и я должны были сражаться друг с другом, но когда мы приближались для состязания, я шепнул ему совет затянуть сражение до темноты, в надежде, что мы найдем способ бежать. Толпа, очевидно, догадалась, что у нас нет желания сражаться друг с другом, и они выли от ярости, что ни один из нас не переходил в роковое наступление. Когда стало темнеть, я шепнул Кантос Кану, чтобы он всунул свою саблю между моей левой рукой и телом. Когда он так сделал, я качнулся назад, плотно прижав саблю рукой, и так упал на землю, как будто его оружие пробило мне грудь. Кантос Кан понял мой фокус и, быстро шагнув ко мне, поставил ногу мне на шею и, вытащив свое оружие из моего тела, нанес мне окончательный удар. Предполагалось, что он пронзил мне шею, перерезав вену; на самом же деле холодное лезвие мягко скользнуло в песок арены. В темноте, которая уже наступила, никто не мог сказать, покончил ли он действительно со мной. Я шепнул, чтобы он шел требовать себе свободу, а затем искал меня в холмах, на восток от города, – и он оставил меня.

Когда амфитеатр опустел, я тихонько взобрался наверх и, так как большой овраг уходил далеко от площади по необитаемой части большого вымершего города, я без больших затруднений добрался до отдаленных холмов.

<http://tl.rulate.ru/book/23550/497759>